

Александр Дегтярёв
Я — русский офицер

ПОВЕСТЬ

Александр Николаевич Дегтярёв Я – русский офицер. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23304918

ISBN 9785448391385

Аннотация

«Все львы – кошки, но все кошки львы» – эту мудрую старую поговорку с некоторых пор знают все, кто хоть как-то интересуется событиями в современном мире. А в начале девяностых годов прошлого столетия, когда начался парад суверенитетов на просторах бывшего СССР, смысл этой поговорки знали не все, но многим из нас пришлось познавать его на себе... «Почему?» – спросит иной любознательный читатель. Об этом и многом другом вы узнаете, прочитав повесть «Я – русский офицер».

Содержание

Мысли на бумаге	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПО МЕСТАМ СТОЯТЬ	9
I. Назначение	10
II. ГКЧП	14
III. Кофе со сливками	24
IV. Гараж и море	29
V. Гражданин России	32
VI. Репшики	37
VII. Первый снег	40
VIII. Разъехались	47
IX. Командир	56
X. Андреевский флаг	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Я – русский офицер

Повесть

Александр
Николаевич Дегтярёв

«Главная роль в становлении командира лодки отводится командованию соединений, т. е. его непосредственным начальникам. Если капитан 1 ранга командир атомной ракетной подводной лодки добирается до места службы в кузове грузовика („коломбины“), а не в автобусе или в служебной легковой машине, если на еженедельных подведениях итогов командир соединения позволяет отчитывать командира лодки в присутствии его подчинённых (зама или старпома), если в море старший на борту исполняет роль командира, подчас подменяя его, если флагманские специалисты соединения не помогают утверждению в сознании членов экипажа авторитета командира, как 1-го штурмана, 1-го минёра и 1-го ракетчика на лодке, то это всё подрывает авторитет командира подводной лодки и не способствует боеготовности корабля».

Капитан второго ранга Александр Островский¹

Редактор Виктория Тонковид

Корректор Валентина Куртык

© Александр Николаевич Дегтярёв, 2017

ISBN 978-5-4483-9138-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мысли на бумаге

Двадцать два года назад я сошёл с командирского мостика своего подводного ракетноносца. Что изменилось за это время? Да почти всё! Страна, наконец, встала с колен и ушла от западной зависимости в политике, частично в продовольствии. Радует русский крестьянин, собравшийся с силами в условиях очередных западных санкций, появилась надежда, что и государство заметит этот процесс – не оставит кормильца нашего один на один с проблемами. В России снова стали строить школы, детские сады, жильё для людей. Сегодня опять востребованы выпускники учебных заведений, имеющие техническую специальность или рабочую профессию, а это значит, что оживает экономика! Снова в почёте человек в погонах, труд его ратный хорошо оплачивается, правда, и спрос настоящий – в деле, следовательно, народ может спать спокойно!

Поменялся и уклад жизни, стал иным, спокойнее что ли, увереннее! Ушли в историческое забвение социальные, финансовые и экономические провалы былых «реформаторов». Неизменными остаются только Отечество, честь и воинский долг, да ещё сны. Почти каждую ночь они возвращают меня в моё подводное прошлое, к побратимам: матросам и старшинам, мичманам и офицерам – моим учителям, без которых я бы не состоялся как офицер и командир.

Печально осознавать, что многих из них уже нет в живых, а живущие ветераны-подводники могут занять место в строю только «по случаю» или у праздничного стола. Но зачем память так цепко удерживает меня в железе прочного корпуса, ведь всё, что было там, – в молодости, на подводном флоте, – давно ушло? Иногда мне кажется, это происходит потому, что я ещё не до конца отдал долг своим боевым товарищам. Наверное, руководствуясь этим соображением, я и взялся когда-то за написание сначала рассказов, потом повестей и наконец, романов о подводниках. Какую цель я ставил перед собой тогда? Прежде всего, писать правду, пусть она будет жёсткой, иногда даже жестокой, но лучше правда, чем потом краснеть перед побратимами и теми людьми, кто по-прежнему честно может посмотреть тебе в глаза.

Сегодня закончен очередной четырёхлетний труд! Закончена третья повесть цикла, а вместе с ней и весь роман. Доволен ли я своей работой? Ответ будет скорее положительным, чем наоборот и не только потому, что за два года после опубликования предыдущего романа в Интернете его прочитали более двенадцати тысяч читателей, а прежде всего потому, что на страницах нового романа вновь ожили они – настоящие герои НАШЕГО времени.

Подводники, по-прежнему живущие в моей памяти, снова в одном строю и в одном прочном корпусе. Даже отрицательные персонажи, живущие в романе, – не вымысел, не полёт фантазии, а пусть и грубая, иногда собирательная, но копия,

снятая с реальных, живших когда-то или живущих до сих пор людей.

Всё, что описано в романе, имеет под собой историческую действительность и не является плодом фантазии автора. Однако совпадение фамилий, похожесть номеров подводных лодок и частей ВМФ не следует воспринимать как истину в первой инстанции, это всего лишь литературный приём, предпринятый мною для более тесной связи героев романа с героями, фактически существовавшими в историческом прошлом.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПО МЕСТАМ СТОЯТЬ

*Мне пора! Извини, без прощенья,
Без надуманных слов улетаю.
Всё, что было не сон обольщенья,
А тоска по любви, что не знаю...
Автор*

I. Назначение

12 июня 1991 года первым президентом России был избран Б. Н. Ельцин. Этот день стал Днём независимости России, сегодня мы его знаем как День России. В июле того же года пленум ЦК КПСС поставил вопрос об отставке Горбачёва. Начался «неуправляемый» процесс распада СССР. Разработка нового Союзного Договора, который по замыслу его авторов должен был остановить крах страны Советов, встретила непреодолимые препятствия прежде всего в тех республиках, которые игнорировали всесоюзный референдум о сохранении СССР.

А что происходит в это время с Б-177? «Всё по плану», – как сказал бы иной опытный замполит.

И действительно, после контрольного выхода, проверки штабом и управлениями Северного флота, как всегда без отдыха, потому что надо вписаться в тот самый план, лодка вышла в море на межфлотский переход.

– Ну, что у вас тут нового? – Поднявшись на мостик, уточнил командир бригады, растирая затёкшие и слегка помятые от «тяжких» раздумий щёки.

– Балтика, товарищ комбриг, а справа на траверзе немецкий остров Рюген, он же Буян или Руян как его именовали древние северные славяне, когда-то населявших эти территории, – весело ответил Дербенёв, видя как увлечённо Бис-

кетов «качает» Солнце и с ходу не готов ответить на поставленный вопрос...

– Кто каюту «Флагмана» проектировал? – новый вопрос старшего начальника немного озадачил Дербенёва, но не бросать же «под танки» командира?!

– Я... – не совсем уверенно ответил Дербенёв.

– То, что врать не умеешь, я ещё от Борковского слышал, а вот каюта узковата и плохо вентилируема. Оба графина, предусмотрительно закреплённые на переборке, маркировки не имеют, поэтому периодически приходится припадать к «шилу» когда хочется просто воды... Как вывод: графин с водой должен иметь штатную маркировку! А за исторически – сказочный экскурс вам «пять»!

– Есть! – теперь достаточно уверенно ответил Дербенёв.

– Остальное, в вашей организации меня вполне устраивает, особенно кок, но это, я знаю, не твоя забота, а Бискетова. Чувствует, наверное, «железный солдат», что не судьба ему в этом году академию своим присутствием порадовать?!

– Это почему, вдруг? – удивился командир Б-177, наконец оторвавшись от секстана.

– Да потому, товарищ капитан второго ранга, – комбриг театрально достал из кармана комбинезона телеграмму, только что полученную связистами, – что капитан второго ранга Дербенёв Александр Николаевич, да, да именно «капитан второго ранга», так написано в телеграмме, приказом Министра обороны СССР назначен командиром ракет-

ной подводной лодки Б-67 Черноморского флота и должен убыть к новому месту службы не позднее двадцатого августа 1991 года. С чем я вас всех и поздравляю! – Комбриг театрально пожал всем руки и предложил спуститься к нему в каюту, чтобы устранить замечания по графинам...

– Кого на своё место думаешь? – спросил комбриг, глядя на закусывающего во всю прыть Дербенёва.

– Буду предлагать Григорова, я его знаю ещё с Б-181. Гусар, но дело своё знает. Думаю, потянет.

– Хорошенькое дело, он у меня на флагманского минёра в бригаде спланирован. – возмутился Малышкевич то ли из-за предложения Дербенёва, то ли из-за того, что Бискетов не выпил за назначение своего коллеги. – А чего греем, Степан Васильевич?

– Да, я вообще-то сейчас на вахте, Алексей Матвеевич!

– Командир всегда на вахте! Не хочешь пить не мучай ж..пу! Идите к своим обязанностям, а то скажете потом, что комбриг вас спаивает.

Офицеры вышли из каюты и переглянулись.

– Так что ты там, Александр Николаевич, про славян и остров Буян рассказывал? – переводя разговор в иное русло поинтересовался Бискетов

– Говоря о нас – славянах, я бы выделил северную группу, для которой остров Буян имел не только культурное, но и культовое значение, нужно заметить, что, по мнению ряда исследователей, именно здесь находилась столица всего

славянского мира – Аркона. – Дербенёв, окрылённый хорошим, но неожиданным и даже внезапным известием, увлечённо рассказывал то, о чём давно знал из исторических заметок, знакомство с которыми стало для него частью жизни.

А Бискетов слушал, но не вслушивался, потому что совсем другие проблемы одолевали его теперь.

– Эти же исследователи, – продолжал своё повествование Дербенёв, – предполагают, что именно из этих мест вышли и славные Рюрики с их дружиной, положившие начало нашей государственности. Но тут справедливо всплывают противоречия с историей о варягах, которую мы знаем по школьным учебникам. Хотя этим новые исследования и интересны. Вдумайтесь только, если развивать мысль, высказанную выше, то получается, что варяги это не древние немцы, шведы или норвежцы, коих тогда ещё не было, а древние славяне, жившие на Варяжском море, так именовалась Балтика в древние времена, добывавшие здесь соль и возившие её практически по всему побережью Европы...

II. ГКЧП

1

Как только Б-177 пересекла линию молгов Южных ворот Новой гавани, командир бригады поменял обязанности на мостике.

– Ну что, Александр Николаевич, швартуйся, покажи, как это делают балтийцы в родной базе.

Дербенёв, с удовольствием примерив на себя обязанности командира, приступил к работе, которая давно стала для него привычной. Видя, как чётко люди выполняют команды, его радовало и воодушевляло буквально всё: и встреча с родным берегом, и то что швартовные команды действуют слаженно, и что весь экипаж, занятый сейчас на боевых постах очень ответственным делом, работает как хороший и отлаженный механизм. Но это, к сожалению, уже не его экипаж. Ему же опять предстояла командировка, опять разговор с женой и опять всё сначала, ведь Б-67 только – только планирует закончить средний ремонт...

А на сорок шестом причале в это время выстроились все экипажи соединения, чуть поодаль «сгруппировались» жёны, родные и близкие членов экипажа Б-177. От приветственных плакатов с красивыми лозунгами рябило в глазах. Традиционно на переднем плане встречающих был установлен стол где «отдыхали» на мельхиоровых блюдах два свежезапечённые

ных поросёнка.

Как только последний швартовный конец был зафиксирован на корпусе лодки, Дербенёв приказал подать трап, заблаговременно изготовленный на СРЗ-35 и снабжённый теперь брезентовыми обвесами с маркировкой, принятой на родном соединении.

– Записать в вахтенный журнал: «подводная лодка ошвартована к сорок шестому причалу с севера правым бортом первым корпусом». – приказал вахтенному центрального поста старший помощник.

Во время торжественного митинга, посвящённого успешному выполнению задач межфлотского перехода, экипаж Б-177 не без удивления узнал, что для него подготовлена благоустроенная и полностью оборудованная казарма, а офицеры и мичманы, решившие перебраться с Северов на Балтику, сегодня же получают ключи от своих новых квартир, построенных заботами московского правительства во главе с Юрием Лужковым.

Тогда, в тот замечательный день накануне празднования Дня ВМФ, очень многие прикомандированные на переход северяне не стесняясь завидовали тем подводникам, кто окончательно решил перебраться к «тёплому» морю, но это чувство было недолгим.

2

– Товарищ командир! Капитан третьего ранга Даболиньш назначен вашим замполитом на Б-67. Завтра убываю к но-

вому месту службы, какие будут указания? – среднего роста, приятного вида худощавый офицер, лет тридцати пяти чётко представился Дербенёву, войдя в кабинет где вновь назначаемый старпом Б-177 получал инструктаж от Александра.

– Как зовут? – поинтересовался Дербенёв.

– Гунар. – скромно ответил офицер.

– Когда училище закончили, Гунарс?

– Киевское высшее военно-морское политическое училище окончил в 1979 году, в 1986 году окончил Московскую военно-политическую академию. Родился в местечке Виесите Екабпилского района.

– Хорошо, очень хорошо, – задумчиво произнёс Дербенёв беря в руки лист бумаги. – Присаживайтесь, Гунар, пока я для старпома Б-67 основные указания набросаю. Вы в курсе, что старпом там местный и что матросов в экипаже не хватает?

– В курсе, товарищ командир, но команду недостающих матросов я повезу с собой, она уже сформирована!

– А это просто здорово! – обрадовался Дербенёв.

Но как покажет жизнь, радость была преждевременной.

Опираясь на мнение «народа», прочитанное, очевидно, на передовице газеты «Советская Россия», представители партийно-государственной номенклатуры в лице вице-президента СССР – Г. И. Янаева, премьер-министра – В. С. Павлова, министра обороны – маршала Д. Т. Язова, председателя КГБ СССР – В. А. Крючкова и других, не согласных

с действиями верховной власти во главе с М. С. Горбачёвым, в ночь с 18 на 19 августа создали Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП). Это сейчас, после снятия грифов секретности, стало известно, что ГКЧП придумал сам Горбачёв, а когда пришло время его возглавить, отказался это сделать под видом недомогания, а тогда, в августе 1991 года, всё выглядело несколько иначе, если не сказать трагичнее.

С самого раннего утра телевидение демонстрировало балет «Лебединое озеро», что было очень недобрый знаком для советских граждан, привыкших, что под эту музыку обычно сообщают о кончине главы партии и государства.

Президент СССР, отдохавший в это время в Крыму, был изолирован на мысе Форос и фактически отстранён от власти. Однако по невыясненным до сих пор причинам, возможно, даже в силу плохой организации и боязни ответственности членов ГКЧП, попытка государственного переворота фактически провалилась, и 21 августа заговорщики были арестованы.

Между тем выше названные августовские события 1991 года, по замыслу членов ГКЧП направленные на сохранение СССР, можно смело назвать «бикфордовым шнуром» его распада.

3

Не успев очнуться от сказочного сна, прийти в себя от ослепительно новой, совсем не снежной жизни и тихого

прибалтийского быта, экипаж Б-177 вместе со всей страной погрузился в водоворот политических событий, холод которых ещё предстояло ощутить впереди.

Всем офицерам «на всякий случай» выдали табельное оружие, перед КПП частей и соединений Лиепайской военно-морской базы организовали блок посты из бетонных блоков, плотно обложенных мешками с песком. Партийно-политическое руководство Латвийской ССР на местах, также «на всякий случай», удерживало руку на телефонной связи с руководством военных гарнизонов, правда, только до тех пор, пока мыльный пузырь ГКЧП не лопнул. А ведь в те непонятные три дня всем казалось: ещё несколько дней, и вихрь новой революции захватит в свой круговорот всю страну.

Между тем отдельные, крайне «правильные» руководители, опережая события как минимум на шаг, быстро освободили свои кабинеты от портретов первого и, как скоро выяснится, последнего президента СССР. Они, конечно, могли предполагать, что Б. Н. Ельцин намеревается объявить себя верховным главнокомандующим Вооружёнными силами России, которых у неё ещё не было, но сведения о том, что он «проявляет интерес» к посольству США, где «в случае чего» намеревается укрыться, просочились не сразу и стали известны только узкому кругу лиц.

Командир бригады подводных лодок, в состав которой теперь входила Б-177, очевидно к этому кругу не относился

и поэтому действовал исходя из личного опыта и интуиции.

– Товарищ комбриг! А Президент наш теперь где проживает? – язвительно уточнил Дербенёв, глядя на выцветший прямоугольник стены в кабинете командира соединения.

– Где посадят, там и жить будет! – небрежно ответил Малышкевич. – Но для вас, Дербенёв, у меня отдельная радость. Ваша командировка, как и само назначение командиром Б-67, откладываются на неопределённый срок!

4

Прошёл месяц, а за ним другой, и только ближе к зиме Дербенёв узнал, что приказ министра обороны СССР о его назначении на Черноморский флот отменён, но жизнь продолжалась и местами складывалась очень даже неплохо...

Дочка Люда вернулась из украинской «ссылки», как она её называла, Татьяна устроилась на прежнее место работы. Да и Дербенёв не остался на обочине жизни, вместо несостоявшегося назначения командование отправило новое представление о его назначении командиром Б-177, взамен отбывающего на учёбу в ВМА² капитана второго ранга Бискетова.

Пришла зима, а вместе с ней новые известия, надежды и потрясения. 8 декабря 1991 года в местечке Вискули, что в Беловежской пуще под Минском президентами России Б. Н. Ельциным и Украины – Л. М. Кравчуком, а также председателем Верховного Совета Белоруссии С. С. Шушкевичем был подписан договор о ликвидации СССР. Вме-

---

² ВМА – военно-морская академия

сто которого было создано Содружество Независимых Государств (СНГ). Статус этого геополитического образования до настоящего времени не вполне понятен простому грешному обывателю. Не был он понятен и тогда, когда создавалось это объединение государств. Ясно было только одно: вместо бывшего СССР образовались пятнадцать новых независимых стран, четыре из которых имели на своей территории ядерное оружие.

25 декабря «по принципиальным соображениям» подал в отставку президент СССР М. С. Горбачёв, параллельно он снял с себя полномочия главы партии и «распустил» КПСС. Этого шага простые коммунисты ему не простят никогда.

Сказать, что народ, требовавший «перемен», тогда ничего не понимал или не «приложил руку» к геополитической катастрофе, значит не сказать ничего. Но многим, ещё советским во всех смыслах этого слова людям, тогда казалось, что вместо тоталитарного Союза образовалось нечто новое – с «человеческим лицом», смотрящим на Запад, где «живут» великие достижения человечества. Однако эти западные ценности, как покажет время, распространяются на всех, кроме России.

А что же осталось нам, не облачённым властью советским гражданам? Разрушение единого, складывавшегося долгих семьдесят пять лет народнохозяйственного комплекса неотвратимо усугубило кризис во всех независимых государствах. Во всех бывших советских республиках, а теперь го-

сударствах начался процесс создания национальных армий, раздел вооружения. Как следствие – возникли новые очаги напряжённости. Стали возникать споры о границах и принадлежностях территорий (Карабах, Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье, Чечня).

Не стала исключением и Латвия, предъявившая претензии к России о возвращении «незаконно аннексированной территории» Пыталовского района Псковской области.

Из Вооружённых сил России в сторону национальных квартир пока ещё нестройными рядами потянулись беглецы, а точнее — дезертиры, среди которых встречались и офицеры. К сожалению, не миновала участь сия и экипаж Б-177.

Оставил свою часть, подчинённых и ядерное оружие на борту командир ракетной боевой части капитан-лейтенант Хишимов, дезертировавший в Южную Осетию. Прихватив целую партию аварийного белья, находящегося в его заведовании «национальный герой» отправился на землю предков, но впоследствии, когда на его родной земле разгорелся пожар войны, «всплыл» в ещё украинском Крыму. Аналогично поступил и командир радиотехнической службы капитан-лейтенант Мартынюк, сбежавший на Украину, чтобы, предав забвению однажды данную им клятву, присягнуть новому «государю».

5

Вполне ожидаемо, но немного странно для этого «прекрасного» периода, выглядело убытие командира Б-177 ка-

питана второго ранга Бискетова в очередной отпуск за 1991 год. Впоследствии, также на законных основаниях, его очередной отпуск плавно перешёл в учебный, охватывая весь период подготовки к поступлению в академию.

Несложно догадаться, что исполняющим обязанности командира лодки, а попросту говоря «дежурным стрелочником», со всеми вытекающими последствиями, был назначен Дербенёв.

Открывая очередное совещание командиров, посвящённое подведению итогов за неделю, «бригадир» Малышкевич сразу взял «быка за рога»:

– И где ваши геройски дезертировавшие подчинённые находятся сейчас, товарищ хвалёный командир? – издевательски язвительно, почти как Дербенёв во время ГКЧП, поинтересовался комбриг.

– Уголовное дело по фактам дезертирства и воровства государственного имущества указанными личностями я возбудил. Материалы переданы в военную прокуратуру, ограниченная информация доведена начальнику отдела криминальной полиции. Значит, где поймают, там и посадят! – также язвительно ответил Александр.

Комбрига ответ не устроил, и он продолжил публичное «избиение младенца».

– А сами-то вы как работу по поиску беглецов организовали?

– Сами организовали тоже. До семей дезертировавших

офицеров доведено под роспись об уголовной ответственности за дачу ложных показаний и укрывательство преступников. На вокзалах и в аэропорту ежедневно дежурят наши скрытые «двойки»...

– Какие ещё «двойки»? – удивился комбриг.

– По одному офицеру и мичману, переодетые в гражданскую форму одежды, перемещаются, не привлекая внимания граждан, и наблюдают за обстановкой. Замполит постоянно доступен на городской телефонной линии...

– Вот видите! – комбриг посмотрел на своих ближайших заместителей, с некоторых пор всегда присутствовавших рядом. – Если петух в ж... пу клюнет, то и ноу-хау появляются сразу. А почему от вас матросы не бегут? Ото всех бегут, а от вас нет?!

– Почему не бегут? И это случается! – флегматично рассматривая портрет верховного главнокомандующего, недавно появившийся на стене, ответил Дербенёв. – Иногда, правда, но их быстро-быстро папы и мамы обратно привозят, поскольку пока в бега подавались только латыши да литовцы, а там уже новая армия и новый срок службы организованы. И если нет подтверждения, что отслужил в вооружённых силах СССР, – служи заново! Кому же интересно дважды с родным чадом расставаться?

III. Кофе со сливками

1

Забыв на некоторое время о проблемах, существовавших на берегу, Б-177 готовилась на выход в море. Перед постановкой на боевое дежурство в базе ей предстояла контрольная проверка.

Расширяя горизонты складывающейся картины, не мешало бы заметить, что к этому времени приказа о назначении Дербенёва командиром лодки ещё не было и, как говорят на флоте в таких случаях, для «поддержки штанов» всякий раз назначается «старший на борту». Иначе говоря, должностное лицо имеющее допуск к управлению лодкой данного проекта, способное проконтролировать, поправить и при необходимости заменить «исполняющего обязанности командира».

На сей раз «держателем портков» к Дербенёву был назначен заместитель командира бригады капитан первого ранга Вадим Игнатьевич Ларичевский. Личность, нужно сказать, неординарная, пришедшая на бригаду извне и каким-то невероятно быстрым, скорее всего тоже очень неординарным, способом получившая допуск к управлению лодками проекта 651.

Совокупность качеств, выделяющих Ларичевского из общей массы ему подобных индивидов, бросались в глаза сра-

зу и запоминалась навсегда. Поскольку способность поучать всех и во всех случаях жизни, а также хроническая лень, без которой он, скорее всего, не смог бы прожить даже полчаса, вряд ли кого-либо из командиров лодок могли оставить равнодушными. Глядя на этого руководителя со стороны, можно было смело садиться и писать картину о гусарах, потому что Вадим Игнатьевич «всегда немного пьян и до синевы выбрит».

На выходе в море экипаж Дербенёва отработал все положенные по плану элементы курсовых задач и боевых упражнений, продемонстрировав уверенные и хорошо отработанные навыки, что отметили даже офицеры штаба соединения, прикомандированные на эту проверку. И всё это невзирая на то, что часть экипажа только-только пришла на корабль.

Именно сейчас, на контрольном выходе, Александр почувствовал, как не хватает ему допущенного к самостоятельному управлению кораблём старшего помощника. Кутумов, пришедший на лодку старпомом, так же как и Дербенёв был из штурманов. Да и отбирал его на эту должность, надо правду сказать, тоже сам Дербенёв. Молодого старпома отличали скромность, старательность, исполнительность, желание всё и сразу охватить, но все эти замечательные качества не могли заменить опыт службы в должности и наличие допуска к управлению лодкой...

«Почти как я когда-то!» – подумал Дербенёв глядя как старпом «учит» Ларичевского «качать» Солнце.

– Вы бы поспали, товарищ командир, третьи сутки на ногах... – вежливо предложил Кутумов, невольно обративший внимание на непроизвольно слипающиеся веки командира.

– А здесь кто, он, – показывая кивком головы в сторону «старшего» на борту, – рулить будет? – тихо спросил Дербенёв. – Нет уж, сегодня к вечеру в базу, а там и высплусь!

Уставший и злой на весь мир из-за постоянных «докапываний» «старшого», Дербенёв возвращался домой. Тяжкие мысли, ранее не так часто навещавшие его голову, не давали покоя. Подойдя к знакомой, ставшей почти родной за годы службы часовне Святого Петра на Северном кладбище, мимо которой пролегал «самый короткий» путь домой, Александр невольно остановился у знакомого камня с якорем.

«Корпуса флотских штурманов полковник Евстафий Алексеевич Тягин», – покоившийся под тяжёлым гранитным валуном по-прежнему встречал и провожал своих побратимов...

«И что им всем не нравится?» – возмутился про себя Дербенёв, вспомнив последнюю фразу заместителя командира бригады, брошенную после прихода в базу.

– Ты дай мне «книжку на пятьсот страниц»,³ и я доложу комбригу, что оценка контрольного выхода Б-177 соответствует кораблю постоянной готовности...

«Это ж до чего мы дошли? – чуть не кричал внутренний

---

³ «Книжка на пятьсот страниц» – на флотском жаргоне бутылка спирта ёмкостью пятьсот миллилитров.

голос Александра. – Слышишь, полковник Тягин? Пол-литра спирта решают, готов корабль с ядерным оружием на борту заступить на боевое дежурство или не готов... А что делать с людьми, ночами не спавшими, чтобы из этого железа родной дом слепить? Как оценивать труд, вложенный в душу каждого матроса его командирами и начальниками, чтобы родился подводник, а потом и экипаж? Пол-литра спирта тебе? На, захлебнись – позорище в штанах, а не заместитель комбрига!»

«А комбриг, наверное, по себе своих замов выбирал?!» – пролетела очередная мысль.

– «А как же иначе? Ты ведь тоже по себе экипаж формируешь!» – отвечал внутренний голос...

2

– Ты так и не ответила на мой вопрос! – Берзиньш умоляюще смотрел на Татьяну, допивая кофе на штатном месте Дербенёва.

– А ты как всегда занял место моего Сашки! – игриво ответила Дербенёва.

– И всё же?! – продолжал настаивать гость. – Я требую ответа! И потом, сколько можно в дружбу играть, когда я предлагаю тебе стать моей женой и хозяйкой хутора?

– А что первое – жена или хозяйка? – абсолютно несерьёзно уточнила Дербенёва.

– Решать только тебе, дорогая. Для меня эти понятия неразделимы. Да и мама так говорит.

– Мама, опять мама, а сам-то что думаешь?

– То, что я думаю последние годы, тебя, судя по всему, никак не интересует, но выбор тебе всё равно однажды придётся сделать. Только...

– Только что? – ухватила за брошенную фразу Татьяна.

– Только бы поздно не было...

– Ты знаешь, Сашенька, что я думаю. Вот ты, например, ещё не женился, да и я согласия пока не давала, но уже угрожаешь. А что же будет, когда я стану законной рабыней вашего хозяйства?

– Так уж сразу и рабыней?! – возмутился Берзиньш. – У нас говорят так: «Были бы бараны, а кому их стричь – всегда найдётся!»

– А я тебе скажу иначе: «Лучше жить одной, чем с тем, кому ты не нужен!»

Дверь в прихожей скрипнула, и на пороге появился Дербенёв.

– Что, опять Репин подвёл? «Не ждали?» – зло бросил хозяин квартиры, направляясь в ванную мыть руки. – Надеюсь, и для меня кофе найдётся? Тогда, пожалуйста, со сливками...

IV. Гараж и море

1

Не поучив ни одного ответа на заданные вопросы по поводу незваного «гостя» и его столь частых визитов, которые странным образом всегда совпадают с отсутствием в квартире Дербенёва, Александр ухватил со стола недопитый графин с водкой, какую-то закуску и выскочил вон.

«Бежать, срочно бежать куда глаза глядят! Лишь бы не видеть всё это бл... во!» – решил Дербенёв, садясь в свой «Москвич».

Очнулся он только тогда, когда неизвестные люди начали стаскивать его машину от края довольно высокого обрыва, где машина завязла в песке, не доехав до края каких-то полметра. Теперь автомобиль стоял как на постаменте у самого моря, а Дербенёв, внезапно осознавший, что он чуть не погиб «за просто так», залпом осушил сразу половину ёмкости графина, унесённого из дому. Закуску искать не стал.

– И что, всё это из-за бабы? – возмущённо спросил один из случайных свидетелей, видевший всё происходившее на пляже со стороны. – Да вон их сколько вокруг, бери любую, командир. Только не стоят они того, чтобы из-за них руки на себя накладывать...

– Это точно, – отозвался ещё один «спасатель», – по моей Илзе знаю, как только Янов день, так её вечно в лес тянет,

а там на Līgo столько кобелей собирается, что она всегда довольна. И я тоже, она же ещё молодая, а я уже старый...

– Всё нормально, мужики, всё нормально, – еле ворочая языком вымолвил Дербенёв, – я ведь ничего такого и не хотел, просто люблю я её...

– А вот за это надо выпить! – предложил первый спасатель.

– Я согласен, только выпивка и закуска у меня в гараже, но как туда доехать, ума не приложу, я... кажется, немного пьян...

– Потихоньку доедем, командир! – утвердил «решение» коллектива второй спасатель. – Мы тебя сейчас вытолкаем на дорогу, а там твоя «ласточка» сама поедет...

2

Утро следующего дня пришло за Дербенёвым вместе с рассветной прохладой, от которой почему-то было холодно. Даже солнце зимнее, но прибалтийское не радовало своим теплом. К тому же во рту было очень неприятное ощущение, словно кошки, будь они неладны, там гадили всю ночь. Гараж, в котором «ночевал» Дербенёв, был закрыт изнутри. «Москвич» настолько остыл за ночь, что покрылся изморозью. А на верстаке, раскинувшемся между стен впереди автомобиля, красовались остатки вчерашнего застолья, совсем не радовавшие глаз.

«Интересно, какой сегодня день?» – вдруг спохватился Дербенёв, включая радиоприёмник в машине.

Как по заказу, прозвучали позывные радиостанции «Маяк», после чего диктор объявил время и день недели. Дербенёв покрутил настройку приёмника ещё. Знакомый всей стране голос Гордеева предложил открыть форточку и приготовиться к ходьбе на месте...

«Хорошо, что воскресенье случилось, а не какая ни будь суббота! На доклад к комбригу идти не надо! – обрадовался Александр, когда эфирный помощник закончил утреннее „истязание“ своего тела. – Непонятно только, где Татьяна? Хотя, не ищет – значит не нужен!».

V. Гражданин России

1

Оказавшись в полной изоляции от старого и нового миров, люди в погонах и члены их семей продолжали честно служить Родине, сказавшей им «прощай». Самым страшным в этом «безвременье» оказалось чувство пустоты и неопределённости. Военный люд не знал, кому он на самом деле служит и гражданами какой страны он теперь является. Единственной ниточкой, указывающей на связь с государством, оставалось денежное довольствие, выплачиваемое из российской казны.

Как нельзя «кстати» в этих непростых условиях вышел приказ министра обороны России, запрещавший военнослужащим, проходившим службу в государствах Балтии, находиться в военной форме одежды вне части. Рядовому и старшинскому составу срочной службы, помимо этого, запрещалось выходить за пределы воинских частей без сопровождения офицеров или мичманов (прапорщиков).

– Нехороший приказ, – говорили многие. Особенно возмущались ветераны войны, – приказ фактически дискредитировал само понятие «Защитник Отечества», поскольку русский воин всегда и с гордостью носил свою форму во всех странах мира, демонстрируя её как знамя страны, которую он защищает.

Но приказы, как известно, не обсуждают. Вместо этого многие офицеры и мичманы демонстративно «забывали» переодеваться, выходя на улицы Лиепай в военной форме одежды. Не был исключением и Дербенёв, поэтому, получив повестку о прибытии в военную прокуратуру, он почему-то посчитал, что этот вызов касается именно его неправильного отношения к приказу министра обороны.

Подойдя к двери указанного в повестке кабинета, Александр постучал и, не дожидаясь приглашения, сразу же вошёл в помещение.

– Скажите, Александр Николаевич, вы являетесь командиром воинской части 59182? – избегая формальностей, сходу начал задавать вопросы следователь.

– Исполняющий обязанности! – также без уточнений ответил Дербенёв.

– А вам знаком матрос по фамилии Сундуков? – снова задал вопрос следователь.

– Нет, не знаком! – так же коротко ответил Александр.

– Как же это? В своём чистосердечном признании латвийским спецслужбам, этот матрос чётко описывает организацию службы не только на вашем корабле, но и на всём соединении. Более того, он вполне определённо заявляет о наличии неуставных отношений в вашей части...

– Простите, но я не привык комментировать всякого рода поклёпы и клевету. Если у вас достаточно оснований полагать, что этот Чемоданов-Сундуков говорит правду, можете

меня арестовать и привлечь к суду, – взорвался, абсолютно спокойный до этого Дербенёв.

– Зачем же сразу под суд? Это всегда успеется, а чтобы мы с вами говорили на одном языке, почитайте вот это... – следователь протянул Дербенёву несколько листов стандартного формата, плотно заполненных машинописным текстом.

Дербенёв с интересом приступил к изучению, судя по всему, агентурных материалов, поступивших в адрес военной прокуратуры гарнизона от своего источника.

– Но здесь фигурирует откровенная ложь? – по мере чтения возмущался Александр. – Во-первых, матросов с такими фамилиями, о которых сообщает Сундуков, у меня в экипаже нет и не было никогда. Во-вторых, матрос-provokator или, если хотите, предатель действительно три месяца назад был распределён в нашу часть из учебного отряда, но до части не доехал, так как ещё с поезда был госпитализирован с диагнозом «пневмония». Впоследствии, после излечения, пустился в бега, и со слов врачей госпиталя, а также тех военнослужащих, с которыми он контактировал весь период лечения, направился домой в Воронежскую область...

– Вот видите, дорогой вы мой, как много, оказывается, вы знаете. А ведь совсем не хотели делиться с нами информацией, – каким-то не совсем мужским тоном заговорил следователь...

– Да и вы как бы не спрашивали толком, а сразу обвиняли?!

28 ноября 1991 года, словно услышав самый главный вопрос людей в погонах, Верховным Советом России был принят Закон РСФСР «О гражданстве РСФСР», вступивший в силу с момента опубликования, то есть с 6 февраля 1992 года. Согласно этому нормативному правовому акту гражданами РСФСР, а впоследствии Российской Федерации признавались все граждане бывшего СССР, постоянно проживающие на территории РСФСР (РФ) на день вступления в силу этого Закона, если в течение одного года после этого дня они не заявят о своём нежелании состоять в гражданстве России.

В связи с тем что Российская Федерация объявляла себя правопреемником и правопродолжателем Российского государства, Российской республики, Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Союза Советских Социалистических Республик, все военнослужащие Вооружённых сил России, в том числе проходившие службу за её пределами, и члены их семей «по умолчанию» становились гражданами РСФСР.

Начался процесс оформления и выдачи заграничных паспортов России, а также вкладышей в общегражданские паспорта и удостоверения личности.

И можно было бы радоваться, что ты теперь не брошен на произвол судьбы, а дети твои не подкидыши на правах сирот у государства, но Дербенёва волновал совсем иной

вопрос. И касался этот вопрос не судьбы страны, ушедшей в небытие и даже не карьеры, о которой Александр не причен был особо беспокоиться. Дербенёва вполне определённо тревожило будущее его семьи, а значит его будущее и будущее детей.

Сейчас, когда Латвия стала вновь «буржуазной» и националистической, будущего на её территории у «оккупантов» не было. Не было будущего и на «незалежной» Украине, где русофобские настроения стали набирать обороты не только среди интеллигенции, но и в средствах массовой информации.

Да, чаще всего это отмечалось в западной и центральной частях страны, но иногда, из лагеря, располагавшегося где-нибудь в Одессе или Бахчисарае, вчерашние этнические русские, «перекрасившиеся» в сегодняшних бандеровцев, нет-нет да и позволяли себе нелюбезные высказывания в адрес России и «русскоязычного» населения Украины.

VI. Репшики

1

В январе 1992 года в России были освобождены цены на большинство товаров и услуг. В условиях сохранявшейся государственной монополии производства товаров народного потребления это привело к резкому взлёту цен к концу года примерно в сто, а местами и двести раз. Уровень жизни населения страны, по сравнению с концом восьмидесятых годов, снизился почти на пятьдесят процентов, а государственные вклады граждан в Сбербанк, составлявшие теперь сущие копейки, фактически оказались конфискованными, потому что выдача вкладов повсеместно была прекращена.

После распада СССР какое-то время в обороте ходили ещё советские рубли, но во всех независимых государствах параллельно начался процесс перехода к собственной валюте. В начале мая 1992 года и Латвия ввела в оборот свой собственный латвийский рубль или попросту «репшик», успешно просуществовавший до 18 октября 1993 года.

С конца 1992 года в России началась бесплатная приватизация госсобственности, или как её сразу окрестили в народе «прихватизация», что больше соответствовало действительности, поскольку помимо сорока миллионов акционеров, умудрившихся каким-то образом вложить свои вауче-

ры⁴, в акции приватизируемых предприятий, в стране появились и первые капиталисты. Как правило, это были представители номенклатуры и управленческой бюрократии, а впоследствии и криминальных кругов, сумевшие в силу близости к управлению и распоряжению государственной собственностью скупить у народа около семидесяти процентов акций.

– И куда будем вкладывать наше «богатство»? – поинтересовался на семейном совете Дербенёв, доставая из «дипломата» четыре бело-оранжевые бумаженции.

– А что это? – спросила дочь Людмила, отвыкшая за последнее время от того, что родители хоть как-то контактировали между собой.

– Это, доченька, такая бумажка, на которую у нас в Латвии купить ничего нельзя, а выбросить жалко, потому что государство российское оценило её в десять тысяч рублей.

– Предлагаю подождать, пока народ определится, куда этот ваучер можно засунуть. – отозвалась Татьяна. – Тем более что время до конца 1993 года ещё имеется.

Шестилетний Вова, тоже присутствовавший за столом, многозначительно промолчал, но свой приватизационный чек из общей кучки всё же достал.

– Согласен подождать, так как здесь, в Латвии, эти чеки как телеге пятое колесо, а в России мы бываем разве что в отпуске, и то не с целью покупки акций... – подытожил реше-

---

⁴ Ваучеры- поимённые приватизационные чеки.

ние семейного совета Дербенёв.

2

Так и лежали бы эти самые чеки у Дербенёвых мёртвым грузом, если бы не мичманская смекалка проявленная «старым махинатором», а в реальной жизни просто старшиной команды гидроакустиков – старшим мичманом Григорием Александровичем Ковбасюком, успешно «акционировавшим» почти всю дивизию подводных лодок.

Введённые в оборот латвийские рубли вначале обменивались по отношению к российскому рублю по курсу «один к одному», но уже в 1993 году ситуация стала меняться, и в какой-то момент за сто российских рублей давали всего восемнадцать «репшиков». Разницу в курсе валют видели все, но только одному – «великому комбинатору» пришла в голову вполне коммерческая идея.

Зная, что всем военнослужащим РФ денежное довольствие выплачивается в латвийских рублях по курсу один к одному к российскому рублю, мичман скупал у своих коллег ваучеры по «сходной» цене, рассчитываясь небольшой суммой в «репшиках», с тем чтобы, дождавшись отпуска или командировки в Россию, выехать и успешно вложить «свои» ваучеры по номиналу, скупая акции прибыльных компаний.

Там же на «Большой земле» он пристроил и ваучеры Дербенёвых, вложив их в один из Чековых инвестиционных Фондов, где спустя год они успешно и пропали, а может, и нет, кто теперь знает?!

VII. Первый снег

1

После известных и нелицеприятных событий с разборками на почве ревности прошло несколько месяцев. Отношения между Дербенёвым и его супругой разладились вконец. Чтобы как-то изолировать себя от «бытовухи», Александр стал непрерывно «гореть» на службе.

Днями занимаясь с экипажем вопросами боевой подготовки, ночи напролёт Александр посвящал «самоедству». Он мало спал и много думал, чаще о совершённых по жизни ошибках, которые теперь не исправить, даже если всё начать сначала.

Вот и сегодня за окнами темно, а у Дербенёва в кабинете свет горит, и домой он не собирается...

– На часах восемь вечера, старпом зачёты зубрит. Ему всё равно сидеть, а командир что? Или дома опять проблемы? – с «материнской теплотой» поинтересовался Карпихин, присаживаясь напротив Дербенёва в кресло.

– Если бы только дома? – бросил «в сердцах» Дербенёв и замкнулся в себе.

– Да ты поговори Николаевич, не молчи, легче станет...

– Если бы от этого легче становилось, я бы наверное непрерывно болтал. – парировал предложение командир и предложил замполиту кофе.

– Если из твоей машинки чудесной, то с удовольствием! – согласился Карпихин.

– Это чудо мне досталось, ещё когда старпомил на Б-181. Заводчане СРЗ-29 подарили, а точнее корабельный строитель Евгений Иванович Подлесный облагодетельствовал. Прекрасный инженер, и человек такой же! Всегда, когда готовлю кофе, вспоминаю его науку и прозорливость...

– И что планируешь делать? Из ситуации выбираться как-то надо, иначе она только усугубится дальше и глубже. – Как старший и более опытный семьянин, рассуждал замполит.

– Да уж куда дальше? Дальше только развод. – обречённо высказался Дербенёв.

– Скажем прямо, Николаевич! В твоей ситуации я бы не рекомендовал этого делать. Нет, не по политическим или кадровым причинам. Никто в твоей честности и преданности избранному пути или любви к своей семье не сомневается. Просто ситуация сейчас не подходящая. Во-первых, в Латвии тебя, скорее всего, не разведут, поскольку ты не гражданин этой «великой» страны, а, во-вторых, там, в России или ещё где, пока ты здесь служишь, никто за твоими детками не присмотрит и не позаботится о них. Разве что аферистка какая-то, готовая лечь под тебя и кольцо на пальчик надеть, лишь бы ты её, «бесценную», обеспечивал. Но поверь старому воробью: такого рода особу твои проблемы и проблемы твоих детей никогда не заинтересуют. И наконец, в-третьих, как только ты станешь свободным

от штампа в удостоверении, именно такие претендентки, готовые в любую секунду и юбку поднять, и ноги расставить, выстроятся к тебе в очередь, конца которой не будет видеть даже в ясную погоду...

– Уж как-то печально, если не сказать отвратительно ты рассуждаешь о моих перспективах, да и о женщинах тоже! Негоже для старого семьянина, а уж для замполита тем более! – откровенно возмутился Дербенёв.

– Видишь ли, Александр Николаевич, хороших и достойных женщин действительно много, но их поискать ещё надо. Потому как мне представляется, они всё же существуют в меньшинстве. И чтобы их, а точнее ту единственную, которая и есть твоим «ребром адамовым», найти, надо иметь трезвую голову и холодный рассудок. Чего в своём командире я пока не наблюдаю... Вот так! У тебя, кстати, кофе готов.

– Знаешь о чём я сейчас подумал, Владимир Иванович? – спохватился Дербенёв. – А не мотнуться ли мне в Питер? Боевое дежурство мы отстояли, морей пока не спланировано. Возьму-ка я отпуск дня на три у комбрига...

– Не дают тебе покоя «сапожки красные». Смеёшься над гусарскими повадками некоторых подчинённых типа Черняева, а сам туда же...

– Начнём с того, комиссар, что минёр просто бабник. А я как-никак постоянства придерживаюсь...

– Интересно, а если бы твоя супруга придерживалась аналогичного «постоянства», как бы ты отреагировал?

Командир промолчал, но про себя подумал: «Знал бы ты, Владимир Иванович, как точно и больно ты сейчас попал в тему!».

2

Спустя сутки, как по заказу Дербенёва, с моря задул штормовой ветер. Северо-западные ветры всегда на какое-то время останавливали судоходную жизнь в гаванях Лиепаяи. Так случилось и на этот раз. Пользуясь столь желанной непогодой, Александр, с разрешения комбрига, отбыл в краткосрочный отпуск.

Непонятно по каким причинам, но извещать Елену о своих намерениях Александр не стал...

«Вот прилечу сейчас к Ленчику, обниму её и спрошу: Готова ли ты вместе со мной нести крест жизни нашей, не разделяя мою судьбу и судьбу детей моих на „Твоё“ и „Моё“?» – Тихо подрёмывая, рассуждал, Александр, склонив голову к иллюминатору.

Но вот колёса самолёта-трудяги Ан-26 коснулись посадочной полосы, и размышления о предстоящей встрече с будущим куда-то испарились.

Добравшись «на перекладных» до Ленинграда, Александр спустился в метрополитен и отправился на Витебский вокзал, где с некоторых пор продавцом «ширпотреба» одного из киосков работала Елена.

Поиск цветов подходящих для встречи занял у Дербенёва тоже некоторое время, но не настолько много, чтобы не уви-

деть как его «пассия» садится в какой-то автомобиль, любезно сопровождаемая неизвестным мужчиной...

Сначала Дербенёв даже не поверил своим глазам. Чтобы убедиться, что наблюдаемая «картинка» не мираж, он ринулся к машине. Затея с покупкой цветов отпала сама собой. Подбежав к автомобилю, Александр увидел подругу Елены, знакомую ему ещё по «Арагви». Подруга тоже намеревалась сесть в машину, но Александр придержал её руку.

– Что здесь происходит? – хотел закричать Дербенёв, хватая подругу за рукав, но вместо этого только прошептал.

Подруга, немного опешив от присутствия «счастья», столь внезапно свалившегося на голову, повернулась к Дербенёву и также тихо, но властно сказала:

– Не ори! Не на рынке. Вы, молодой человек, «погусарить» в очередной раз прибыли, или я не права? А Лена замуж хочет. Кстати, вот этот мужчина, – подруга показала рукой на сидевшего в машине, на заднем сиденье рядом с Еленой излишне упитанного коротышку в крестьянской кепке и брюках, отродясь не знавших горячей ласки утюга, – ей сделал предложение...

– И что? – недоумевая уточнил Александр.

– А то, что мы уезжаем сейчас отдыхать по путёвке в пансионат...

Не выдержав таких интересных новостей, Дербенёв дернул ручку двери автомашины на себя.

– Ты обо всём подумала, Лена? Ничего не забыла? – с ходу

спросил Александр у «своей» подруги.

– Нет! – неожиданно твёрдо, но с какой-то дрожью в голосе ответила Елена.

– А может, всё же забыла, как мы с тобой когда-то в этом же пансионате в любовь играли?

Не услышав ответа, Дербенёв с силой захлопнул дверь стареньких «Жигулей» и зачем-то отправился на Балтийский вокзал. Только на платформе, а точнее, уже в электричке, несущейся по заснеженным рельсам, поднимая вокруг себя столбы морозной пыли, Александр осознал что едет в Гатчину, где его теперь совсем не ждут ни в «Мадриде»⁵, ни на улице Сто двадцатой дивизии...

«Вдоволь» нагулявшись по паркам и аллеям Гатчины, где когда-то родилась, а теперь скончалась их с Еленой любовь, Александр зашёл в гастроном, купил водки и побрёл в гости к несостоявшемуся тестю. Все три дня мужики пропивали любовь. Роза Андреевна – мать Елены – только и успевала что мыть посуду да готовить новую закуску, а когда застолье сменял нормальный мужской храп, тихо плакала о счастье своей дочери, а может о несчастье. И никто, кроме неё, не мог знать истинных причин материнских слёз.

Уезжая из квартиры своей бывшей возлюбленной, Дербенёв оставил на столе записку, мало влиявшую на ситуацию, но, как казалось тогда Александру, отражавшую истинное положение дел в их с Еленой отношениях.

---

⁵ Мадрид – жаргонное название Мариенбурга – предместья Гатчины.

*«Как жестоко судьба с нами шутит порой,
Словно мы не живые, а маски.
Как обманчивы летом и зимней порой —
Разноцветные яркие краски!».*

VIII. Разъехались

1

Апрель девяносто второго года выдался «урожайным» на всякого рода новости. Сначала подался в бега за очередной «пассией» командир миноторпедной боевой части лейтенант Черняев, а потом Татьяна Дербенёва решила оставить детей мужу, а сама ушла ночевать к «подруге»...

И если минёра искали всем гарнизоном, даже папа-адмирал прибыли с Северного флота чтобы отмазать «выкормыша» от возбуждённого Дербенёвым уголовного дела, то о вольностях своей благоверной Дербенёв даже заикнуться никому не мог.

– Ты сам во всё виноват, папочка! – примерив на себя роль мирового судьи, решила дочь Людмила, когда отец вслух попытался сокрушаться по поводу исчезновения мамы... – Если бы ты сам не бросал нас, мама была бы сейчас дома.

– А кто тебе сказал, доченька, что я вас бросал, и когда это было? – не на шутку возмутился Дербенёв.

– Всегда, когда ты уходишь в своё море, ты бросаешь нас. И когда сидишь со своими матросами там – в казарме, тоже нас бросаешь...

– Потому что ветер тебя не пускает! – добавил свои «пять копеек» сын Вова.

– Хорошо же я вас воспитал, дети мои, если вы так замечательно разбираетесь в проблемах нашей семьи. . .

Черняева, загулявшего, как выяснилось со слов его отца, от монотонности службы, нашли в притоне, каких в Лиепеа стало не счесть с приходом новой власти. Татьяна вернулась домой сама, но легче Дербенёву от этого не стало. Впереди предстояли торпедные стрельбы по надводным целям, а доверять заведование «немного трезвому» минёру Александр не мог. И что с этим делать, он тоже не знал. Правда, в самый последний момент Дербенёв всё же нашёл решение, предложив комбригу перед выходом в море в качестве «второго» минёра прикомандировать так и не ставшего старпомом капитан лейтенанта Григорова. Старшиной команды торпедистов Александр предложил использовать имевшего опыт в минном деле старшего мичмана Шершенкова, служившего на Б-177 старшиной команды снабжения.

Комбриг долго думал, но в конце концов одобрил решение молодого командира. К тому же он сам назначил себя старшим на борту лодки на предстоящих стрельбах и поэтому решил быть великодушным на сей раз.

– Так тому и быть! – утвердительно кивнув головой, согласился Малышкевич, но разговор на этом не закончил. – До меня дошли слухи, Александр Николаевич, что у тебя с семьёй не всё хорошо? Так ли это? – внезапно поинтересовался комбриг.

Нельзя сказать, что Дербенёв ждал или готовился к это-

му вопросу, и поэтому в сложившейся ситуации не знал, что ответить своему начальнику.

«Скажу правду – не поймёт, а совру – почувствует!» – подумал Дербенёв и промолчал.

Комбриг понял это молчание по-своему.

– Молчишь? Значит, правду люди говорят, но допускать всякого рода сплетен и побасёнок тоже нельзя! Семья – это табу, закрытая для всех посторонних книга! А если семья мешает службе – брось её и создай другую. Ты знаешь эту житейскую истину, также как и я, с лейтенантских пор. Все они, жёны наши, знали, за кого выходили замуж, значит должны терпеть выпавшие на их долю «тяготы» вместе с нами и только радоваться, что им таких замечательных мужей судьба послала...

2

На радость всем участникам учений погода в море была просто замечательной. Штиль давил своей необычной тишиной так, что в ушах звенело. Выпустив две торпеды по надводным целям «противника», а их изображали: один сторожевой и два малых противолодочных корабля, Б-177 заняла безопасную глубину и приготовилась всплывать в назначенной точке района боевой подготовки.

– Что я тебе скажу, Александр Николаевич, – улыбаясь через силу начал комбриг, – торпеды сошлись с целями, наверное, будет зафиксировано попадание?

– Вскрытие покажет, – отшутился Дербенёв, поднима-

ьясь в боевую рубку. – Боцман всплывай на глубину десять метров. Акустик, прослушать горизонт в круговом режиме. Включить бортовые огни. На быстрой не спать! Правый мотор средний вперёд.

Как только нижний рубочный люк был задраен за командиром, обстановку доложили акустики:

– Центральный! Акустики! – голос старшего мичмана Ковбасюка звучал бодро и чётко: – Горизонт осмотрен в режиме шумопеленгования. В носовом секторе наблюдаю шум надводной цели, предположительно сторожевик следует от нас, в остальном горизонт чист.

– Хорошо, акустики. Давать посылки прямо по носу в активном режиме. Поднять выдвижные устройства. Приготовить бортовые дизеля для продувания балласта газами без хода.

– Центральный! Акустики! Дистанция до цели прямо по носу сорок кабельтов, в остальном горизонт чист.

– Спасибо, акустики! Штурман, расстояние до точки всплытия?

– Товарищ командир, штурман! До точки всплытия десять кабельтов...

– Боцман, лево руля! На курс двести восемьдесят шесть градусов! – Дербенёв решил отвернуть от уходящей цели «на всякий случай». – Акустики! Внимательно наблюдать в носовом секторе. Всплываем.

– Курс двести восемьдесят шесть! – доложил рулевой.

– Так держать! Правый мотор малый вперёд! – приказал командир, в очередной раз прильнув к окуляру перископа.

Как только головка перископа показалась над поверхностью моря, Дербенёв увидел нечто неожиданное, если не сказать опасное. Слева и справа от него в каких-то пяти-семи кабельтовых побортно «загорали» как ни в чём не бывало «забывшие» покинуть полигон малые противолодочные корабли. Оба противолодочника лежали в дрейфе и поэтому шумов не издавали.

– Вашу мать... придурки! – грязно выругался Дербенёв, забыв выключить микрофон.

Комбриг, до этого спокойно наблюдавший за происходящим в командирском кресле, вскочил и побежал в конец отсека, где находился зенитный перископ. Увидев «радостную» картину, Малышкевич приказал Дербенёву нырять и всплывать заново. Но командир принял иное решение.

– Балласт продуть аварийно! Стоп моторы! – приказал Дербенёв.

– Центральный, штурман! Лодка в точке всплытия.

– Есть, штурман! – горестно отозвался командир. – Штурман, проверь наше место по космосу и доложи немедленно. Старпому приготовить кальку маневрирования лодки при выполнении боевого упражнения и всплытия в районе. Радисты! Свяжитесь с мпк⁶ и уточните у них место и действия!

---

⁶ Мпк – малый противолодочный корабль.

Записать в вахтенный журнал: Обстановка...

«Внезапно» обнаружив в непосредственной близости от себя подводную лодку, резко всплывшую в надводное положение, оба малых нарушителя правил использования полигонов рванули наутёк. И только тогда Дербенёв обнаружил, что у борта одного из них «болтается» выпущенная Б-177 торпеда. Малышкевич, почувствовав приток свежего воздуха в центральном посту, тоже направился наверх.

– Вы были правы, товарищ комбриг, мы всё-таки попали, во-он там, посмотрите, у борта мпк наше изделие красуется! – радостно, как будто в первый раз увидел торпеду, доложил Дербенёв.

– А я всегда прав! Вот только непонятно, почему ты не выполнил моё требование о срочном погружении и повторении манёвра всплытия?!

– Но, товарищ комбриг, Алексей Матвеевич, вы же сами видели. Мпк хоть и нарушили существующие требования, но мне не мешали, к тому же я был уже на перископе и всё видел как нельзя лучше, а уйди я на глубину, мы вынуждены были бы всплывать не в назначенной для этого точке, а, нарушая план и тот же ПИП,⁷ совсем в другом месте...

– И всё же? – совсем не по-доброму посмотрев на Дербенёва, уточнил командир бригады.

– Товарищ комбриг! Если вы считаете, что исполняющий обязанности командира лодки Дербенёв не способен

---

⁷ ПИП – правила использования полигонов.

ею управлять, или его действия ведут к опасности, я готов поднять сюда вахтенный журнал чтобы вы сделали запись о вступлении в управление кораблём...

– То, что я считаю, тебя не касается, пока во всяком случае нет приказа о твоём назначении, а вот создавать аварийную ситуацию я тебе не позволял...

– Но ведь я её и не создавал! – буркнул в ответ Дербенёв.

– Мостик! Специалист СПС прибыл в центральный пост! – донеслось из «Каштана».

– Иди, давай радио о выполнении упражнения и всплытии «двоечник», – как-то подобрев приказал Малышкевич. – А я тут наверху покомандирю пока. Да, а где у тебя все бездельники: вахтенный офицер, сигнальщик?

– Вот они здесь, в боевой рубке. Ждут, когда мы выяснять отношения прекратим...

– А что нам их выяснять? Я – комбриг, ты – командир. Пусть поднимаются, а то мне скучно одному...

– Шифровку читать будете? – уточнил Дербенёв, спускаясь вниз.

– Я тебе верю. Потом прочту, – спокойным, почти отеческим тоном ответил Малышкевич, – что там читать: «Всплыл... поднял...». Всё как всегда!

3

Возвратившись домой с «победой» в борьбе с «противником», Дербенёв обнаружил странную картину, вызвавшую у него скорее недоумение, чем вопрос. Татьяна спокой-

но упаковывала какие-то коробки с бытовой техникой, явно купленной «на продажу». Собранные к отъезду чемодан и спортивная сумка стояли в коридорчике-прихожей...

– Что здесь, собственно происходит? – недоумевавшая спросил Дербенёв.

– Ничего особенного, – спокойно ответила Дербенёва, – мы просто решили пожить отдельно от тебя. Может что-то изменится?

– Кто это мы, позвольте уточнить? – съязвил Дербенёв.

– Мы, это я и твои дети, которых ты с рождения не видишь, не знаешь и знать не хочешь. Только прикрываешься своей безмерной любовью к семье. На самом же деле у тебя давно и совсем другая семья...

– Ты это о чём? – уточнил Александр, садясь на диван в гостиной.

– О чём я? Да о том, что помимо службы, лодки и твоих «затрёпанных» матросов у тебя никого и ничего нет. А мы, так – бесплатное приложение. Я же не хочу быть бесплатным приложением. Мы тоже хотим твоего внимания. И не раз в месяц, и то если случится такая возможность, а каждый божий день!

– Прости, дорогая, за нескромность, но тебя интересует МОЁ внимание или МУЖСКОЕ?

– И мужское тоже, дорогой, не помешало бы с твоей стороны... – грубо, но очень сердечно ответила Татьяна.

– А мне всегда казалось, что ты просто купаешься в муж-

ском внимании. Причём везде, где бы ты не находилась...

– Может ты и прав, но тебе не кажется, что причиной всему этому являешься ты и твоя дурацкая служба?!

– Ну, если служение Отечеству считать дурью, то вряд ли мой выбор жениться на тебе можно назвать разумным! – не менее грубо, но тоже с болью в сердце парировал Дербенёв. – Единственное что я тебе, любимая, хочу напомнить, что помимо наших отношений между нами есть ещё дети, о которых лучше, чем родной отец никто не позаботится! А посему: «Если вы, мадам, вместе с детьми не вернётесь в родные пенаты до первого сентября, когда детям надо быть в школе, я имею полное право считать себя свободным от брачных обязательств!».

IX. Командир

«Невзирая ни на что, жизнь продолжается!!!» – Так говорят оптимисты. «На жизнь нечего взирать, она ведь просто путь от рождения к смертному одру!» – Не соглашаются пессимисты. Дербенёв не относил себя ни к тем, ни к другим. Он, скорее всего, был реалистом и поэтому учил устройство подводной лодки и способы управления ею в бою.

Незаметно с прохладой и дождями наступил июль. Близился главный праздник ВМФ, и, вопреки всему, но как всегда неожиданно, пришёл приказ о назначении Дербенёва командиром Б-177, «гулявший» по инстанциям почти четыре месяца.

Иной бы радовался: «Как же – всё стало на свои места! Теперь надо просто расправить крылья и лететь навстречу своей мечте».

«Какой мечте? – спросит читатель. – О чём ещё можно мечтать в тридцать три года? На Голгофу не гонят, на кресте не распинают... А командирский мостик подводного ракетносца первого ранга в этом возрасте это просто предел всех мечтаний!»

А между тем Дербенёв невесел. Перегорел, может быть, или устал от ожиданий? Приятная и важная в его карьере новость не радует совсем. Даже поздравления друзей-командиров кажутся слишком обыденными. В какой-то момент

Александра одолевает мысль, что он везде чужой и никому не нужен, совсем не хочется жить в таком положении, но как изменить его, он даже не представляет. «Да и надо ли менять? – размышляет Дербенёв. – Может, кривая его судьбы сама выровняется?». А тем временем в квартире Дербенёвых раздаётся телефонный звонок... Звонок длинный – междугородний.

«Как интересно она, узнала о назначении? Или банально деньги закончились?». – решив почему-то, что звонит супруга, подумал Дербенёв, хватая трубку. Но вместо привычного «Алло» в трубке раздался только треск. Через минуту звонок повторился, Александр также схватил трубку телефона, и снова кроме молчания и знакомого треска ничего не услышал.

«Наверное, автоматика на линии барахлит!» – решил Александр и на последующие звонки не реагировал вовсе. Долго дребезжащий телефон наконец стих, и Александр решил подумать об ужине.

«В море коки кормят хорошо, но дома надо стараться самому», – убеждал себя Дербенёв, дожаривая картошку с тушёнкой и луком.

Через какое-то время в дверь настойчиво постучали и позвонили одновременно.

– Кого там черти несут? – поинтересовался Дербенёв, открывая дверь в квартиру нараспашку.

– А это мы – друзья Виннипуха. – радостно и громко

огласил о своём прибытии Олег Лякин. – Вот, кстати, тоже без пяти минут командир, а пока мой старпом Игорь Воронок. Да ты, хозяин, принимай подарки, угощения всякие. Мы ведь не с пустыми руками явились. И ты, Серёга, заходи! Давай, не стесняйся, – на правах тамады пригласил подталкивая локтем в спину флагманского ракетчика бригады, Олег.

Со словами «Кто ходит в гости по вечерам...» весёлая компания ввалилась в квартиру.

Говорили они между тем так громко, что весь подъезд мог слушать их дифирамбы в адрес хозяина квартиры.

– Как это вы все решились сорваться от надзора «ока комбригова?»⁸ – удивился Дербенёв. – Пащенко кажется сегодня очередь «бдеть», пока «его высокородие» в баньке телеса парят, а наш черёд только завтра!

– Так, разве ж это все? – подключился к разговору Сергей Гришин. Мы Ваську Сального за всех «под танки бросили» и Потапкова ему в подмогу, а Геша Стерзлев за механиков отдувается. Пусть они массовость на местах изображают. На дворе пятница, а в народе «тяпница», вот мы и решили: коль ты с морей вернулся, да ещё и с победой, навесить именинника. Комбриг сегодня, после твоего отъезда в штаб дивизии, нахваливал тебя. Через губу, правда, но нахваливал.

После чая и того что полагалось кроме него, офицеры размякли, подобрели, некоторые даже порозовели. Дербенёв

---

⁸ Здесь речь идёт о заместителе командира бригады по воспитательной работе.

достал гитару и, обращаясь к Олегу Лякину, попросил «солиста» умевшего блестяще копировать голос Леонида Утёсова спеть любимую всеми песню «Есть город который я вижу во сне», друг-командир согласился. Потом Олег попросил аккомпанемента при исполнении им песни «Одессит Мишка», потом выпили все почему-то за товарища Сталина и, на ходу исполняя «Марш артиллеристов», разошлись по домам. Дербенёв, оставшись один, принялся мыть посуду.

Телефон снова зазвонил, Александр наскоро вытер руки и взял трубку.

– Это я... – в трубке послышался уже забытый голос. – Ленчик твой...

Дербенёв молчал, «Ленчик твой» сильно резануло слух Александра, но он удержал эмоции и нахлынувшие воспоминания.

– Что случилось? – спокойно уточнил он.

Она уловила его смятение и воспользовалась им.

– Ничего особенного, просто я хочу поздравить тебя с назначением командиром...

– И всё? – холодным тоном переспросил Александр.

– Да! – тихо ответила Елена, готовая сейчас расплакаться.

– Спасибо, но я не этого ждал! – жёстко ответил Дербенёв и положил трубку.

Х. Андреевский флаг

Когда рождается человек, ему дают имя и записывают его в свидетельство о рождении, несколько позже, после достижения определённого возраста, человек обретает паспорт, свидетельствующий о принадлежности его к тому или иному государству. Аналогичная история происходит и с кораблями, к числу которых относятся и подводные лодки. В период закладки корабля ему присваивают имя, а свидетельством этого является специальная закладная «доска» из латунного или бронзового сплава. Когда корабль заканчивает весь цикл испытаний и принимается в состав ВМФ, на нём поднимают военно-морской флаг. Полотнище флага, также как и паспорт у человека определяет его «гражданство».

В разных странах существуют различные традиции, связанные с флагом корабля, но, пожалуй, самой главной среди военных моряков России является только одна – никогда не спускать флаг перед неприятелем, предпочитая гибель сдаче врагам. Эта традиция, закреплённая в Морском уставе Петра Великого, стала священной для каждого моряка нашего флота с тех славных времён, когда молодой флот России обретал первые навыки в морских сражениях. И в наши дни Корабельный устав ВМФ имеет такое же положение.

Но рухнул Советский Союз, так, будто и не было его вовсе. Легко соблазнившись обещаниями западных ценностей, мы

развалили то, что не смогли даже нагнуть в течение семидесяти пяти лет все известные враги мира. Вместе со страной пал также непобедимый бело-голубой серпастый и молоткастый флаг ВМФ СССР...

26 июля 1992 года, в День Военно-Морского Флота, на кораблях, катерах и судах новой России был назначен торжественный спуск военно-морских флагов и вымпелов СССР с торжественным подъёмом военно-морских флагов и вымпелов Российской Федерации. Говорить об этом событии без содрогания и комка в горле сложно, а не говорить преступно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.